Я тебя помню и люблю…

Я не видела, не знала тебя молодым и красивым – любила и люблю тебя таким, каким ты был в моём детстве: тёплым, уютным, пахнувшим сигаретами, работающим по ночам…

Аман Кекилов (1912–1974).

Я помню тебя так хорошо, как будто не было этих долгих лет разлуки, как будто всё это время ты здесь, рядом. Потому что только мне повезло жить вместе с тобой, называть тебя папой, хотя ты и был мне дедушкой. Я с рождения и до 6 лет жила рядом с тобой.

Я помню запах твоих сигарет – родилась и выросла с ним. Помню эти бело-красные пачки «Столичных» и «Российских», которые огромными блоками по 40 пачек лежали на самой верхушке книжных стеллажей. Казалось, они никогда не кончаются.

Я помню синий саквояж в чёрную клеточку, с которым ты приезжал из Москвы и который всегда был полон шоколадных конфет, суфле, «Птичьего молока», козинаков, зефира, мармелада и ещё всякой вкуснятины.

А. Кекилов в рабочем кабинете.
Ашхабад, 1960-е годы.

***

Я помню, как собирались твои друзья, все очень взрослые и серьёзные. Но вы как-то умудрялись находить изредка пару часов по вечерам, чтобы сыграть в карты, выпить чаю, пошутить, поговорить на разные темы.

И всё это время я сидела на твоих коленях и вдыхала запах сигарет. Дым стоял коромыслом, бабушка ругалась и пыталась меня забрать. Но это было невозможно, потому что такие часы были редкими, и я пользовалась этими мгновениями.

***

В пять лет я знала правила твоей карточной игры, и потом мы играли с братьями и сестрой, и я учила их.

Помню, как любила лежать с тобой рядом на продавленном диване с зелёной обивкой, практически я лежала у тебя на животе. Сейчас понимаю, что все дети любят лежать на животах своих дедушек, но тогда я была маленькой, и это было моё любимое занятие – просто лежать. Наверное, мы о чём-то говорили, я не помню.

***

Когда научилась читать, я любила втихую таскать книги с твоих полок и читать их где-нибудь в укромном уголке. Причём неважно, на каком языке они были написаны.

Я до сих пор помню маленький томик стихов Тараса Шевченко на украинском языке. И ведь читала, и мне нравилось, что это вроде не по-русски, а ведь красиво и понятно.

А шкаф, полный сказок всех народов мира! Я больше нигде такого не видела, даже в библиотеках.

И во многих твоих книгах пометки на полях – чаще арабской вязью, наверное, потому что тебе было легче писать арабскими буквами, чем кириллицей.

Спустя годы я посвятила тебе такое стихотворение:

Я помню запах сигарет
И стол рабочий...
А за столом серьёзный дед,
И мелкий почерк...

И полки с книгами вокруг:
Труды, поэмы,
Шекспир, Вольтер и Мопассан,
И сказки, и родной дестан,
Любые темы...

Испещрены поля у книг
Арабской вязью.
Ах, как хотелось прочитать
Все эти сказки!

Рабочий кабинет поэта,
Святых святая.
И в пепельнице сигарета
Тихонько тает...

***

Я помню, как мы отмечали твой 60-летний юбилей во дворе, под беседкой. Как привезли трёх или четырёх барашков, и я потом помогала чистить потроха.

А вечером все сидели и слушали бахши. Я это пение абсолютно не понимала, но видела как вы, мужчины, с удовольствием слушали песни, пили чай, тихонько что-то обсуждали.

***

Я помню, как мы ходили к тебе в больницу, когда у тебя случился инфаркт. Помню маленький стаканчик для капель и запах валокордина, или ещё чего-то пахучего.

Помню, как я возвращалась из твоего дома к родителям, потому что завтра понедельник и мне надо в школу, а навстречу идёшь ты – тебя только что выписали из больницы. Мы обрадовались, обнялись, и договорились, что через неделю я приду на выходные...

Нам было о чём поговорить, нам было хорошо вместе...

А ночью ты умер...

***

Я назвала сына в твою честь, говорят, что он даже похож на тебя. Может, и он когда-нибудь станет таким же дорогим человеком для своей внучки, каким ты был для меня, я на это очень надеюсь.

Спасибо за то, что ты был со мной, что, несмотря на все твои регалии и заслуги, занятость и постоянные путешествия, ты нашёл время для маленькой девочки…

Наверное, это была моя фантазия, но мне казалось, что ты меня любил больше всех, а может, это так и было. Потому что, несмотря на годы, прошедшие со дня нашей последней встречи, я всё ещё вижу себя у тебя на коленях. Я всё ещё тебя люблю…

Поэт, учёный, педагог

Один из известнейших писателей и учёных Туркменистана XX века Аман Кекилов родился 9 мая 1912 года в ауле Кеши близ Ашхабада в семье бедного крестьянина.

С юности и до конца жизни он изучал и анализировал творчество туркменских писателей прошлого и своих современников. И творил сам – стихи, поэмы, пьесы, романы… Его имя по праву стоит среди основоположников современной туркменской поэзии.

***

Первые уроки творчества Аман Кекилов и его двоюродный брат Чары Аширов получили в родном ауле, общаясь с дядей Айдогды-ага, весельчаком и балагуром. Он знал наизусть множество стихов Махтумкули, Молланепеса, Мятаджи, дестаны. Детям очень нравилось подражать его шутливым стихам, и они тоже старались что-то сочинять.

В 10 лет Аман потерял родителей. С 1922 года воспитывался в столице, в интернате имени Ильбаева, куда его и Чары устроил старший брат Шалы Кекилов – он преподавал там после окончания педагогического техникума.

В интернате братья продолжали поэтические соревнования. Шалы, как и дядя, оказал большое влияние на развитие таланта младших братьев, на их становление.

В 1925-1929 годах Аман и Чары учились в педагогическом техникуме. В 1928 году Аман Кекилов опубликовал первое стихотворение. А в двадцать лет молодой автор, поработав в печати (журнал «Пионер», газета «Колхозчи», детский сектор Туркменгосиздата) и став преподавателем педагогического техникума, издал первый сборник стихов.

***

Имея уже определённый творческий опыт, Аман Кекилов с первого же дня создания Союза писателей Туркменистана активно участвует в повышении профессионального мастерства коллег-ровесников: поэтов, прозаиков, критиков.

Произведения Амана Кекилова того времени рассказывают о жизни крестьян («На хлопковом поле», «Колхозникам», «Вперёд», «Обновляются наши

Туркменские писатели Аман Кекилов и Беки Сейтаков в дни работы Ташкентской конференции писателей стран Азии и Африки. Ташкент, 1958.

сёла»), посвящены одной из важнейших задач – обучить людей грамоте. Многие знали наизусть его детские сказки «Кувшин и лиса», «Поэт и падишах», «Дети и книга», поэму «Прошедшие дни» о воспитании сирот и беспризорников.

В 1930 году в Туркменистане побывала первая бригада русских писателей: Николай Тихонов, Пётр Павленко, Всеволод Иванов, Владимир Луговской, Леонид Леонов, Григорий Санников.

Аман Кекилов был одним из тех туркменских писателей, кто сразу же подружился с ними. Вместе они выступали на литературных вечерах, обсуждали различные темы, ездили в Ташауз на областную конференцию писателей.

***

В 1934 году Аман Кекилов, удостоившийся этой чести на первом съезде писателей Туркменистана, отправился в Москву делегатом на первый Всесоюзный форум советских писателей.

Этот год стал, пожалуй, самым памятным для молодого автора. В Москве он был принят в члены Союза писателей СССР и получил членский билет за подписью А.М. Горького. Много лет спустя писатель описал свои впечатления от съезда в статье «Воспоминания тех лет».

С 1935 года Аман Кекилов – аспирант знаменитого Московского института истории, философии и литературы (МИФЛИ). Затем он преподаёт на туркменском отделении ГИТИСа имени А.В. Луначарского.

В Москве Аман Кекилов создаёт семью. Здесь в 1937 году родилась старшая дочь.

***

В конце 1939 года писатель возвращается в Туркменистан, преподаёт в Ашхабадском государственном педагогическом институте имени А.М. Горького.

В ночь с 5 на 6 октября 1948 года Ашхабад был разрушен в результате страшного землетрясения, тысячи человек погребены под руинами.

Семья Амана Кекилова чудом спаслась. Стена их дома вывалилась наружу, и его жена, моя бабушка, выбежала со старшей дочкой на руках, а затем вытащила деда, который работал допоздна в своём кабинете.

Их младшая дочь, моя мама, осталась под руинами. Когда толчки прекратились, её удалось откопать из-под груды кирпичей. К счастью, во сне она скатилась в сетку детской кроватки, поэтому кирпичи её не задели.

Из полностью разрушенного землетрясением Ашхабада семья Кекилова, как и десятки других выживших, переезжает в Чарджоу.

Аман Кекилов преподаёт здесь сначала в учительском институте, а затем в Туркменском государственном педагогическом институте имени Ленина, где заведует также кафедрой.

...Тема его докторской работы и монографии «Великий лирик» – творчество классика туркменской литературы XIX века Молланепеса. Учёный не только скрупулёзно изучил стихи классика. Он побывал в его родном селе, беседовал с земляками поэта, постарался собрать мельчайшие сведения о жизни Молланепеса.

***

Народную славу Аману Кекилову в Туркмении принесла его поэзия. Вершины своего творчества он достиг в первом романе на туркменском языке – романе в стихах «Любовь», работе над которым поэт отдал двадцать лет жизни.

В этом произведении на фоне судьбы всего туркменского народа после революции описывается жизнь и становление первой туркменской советской интеллигенции, представителем которой был и сам автор.

Художественное воплощение в романе получили высокие нравственные ценности – уважение к старшим, честь имени, верность слову, Любовь с большой буквы.

Роман – не просто описание жизни в одной из советских республик (становление туркменского села, непростые годы военной жизни и др.), его самобытные образы, психологические размышления героев притягивают читателя. И через весь роман яркой нитью прослеживается тема Любви.

Финальная сцена романа – картина Ашхабада, разрушенного одним из самых сильных в мире землетрясений. Ярко, пронзительно описана эта катастрофа, мужество людей.

XVII

Тех бедствий и той разрухи
Не описать перу,
Дрожит оно, когда в руки
Я снова его беру.

Свидетель и очевидец,
Пишу я эту главу,
Словно разгул стихии
Вижу вновь наяву.
Всё это теперь – история.
Я долго не мог решить:
Стоило или не стоило
Прошлое ворошить?

Многое позабылось,
Но помнит из нас любой
Из тех, что в живых остались,
Той ночи ужас и боль,

Когда средь садов осенних,
В грохоте и пыли,
Стёрло землетрясением
Город с лица земли.

…Когда мы расстались с нашей
Парою молодой,
Казалось, настало странное
Затишье перед бедой.
Казалось, ночь приглушила
Все звуки.
Спал Ашхабад –
Ни шума поздней машины,
Ни лая цепных собак.

Спал Ашхабад предутренним,
Спал безмятежным сном,
Секунды его последние
Отсчитывал метроном.
Казалось, это зубчатое
Стучит колесо судьбы…
Стихийные силы землю
Вдруг подняли на дыбы.

Хотя всё шаталось, падало,
Кирпичную пыль клубя,
Те, что спастись успели,
Пришли наконец в себя.
В земле погрёбенным заживо
Спешили они помочь.
Начавшимися пожарами
Теперь озарилась ночь.

Поддерживая друг друга,
Касаясь плечом плеча,
Уходят они по грудам
Битого кирпича.
За их спиною предместья
Разрушенные горят…
В саду, в безопасном месте
Оставил их Акмурад.
Спешил, несмотря на раны,
Спешил он спасти других…
Герои мои! Пора нам,
Простившись, покинуть их.

(Перевод с туркменского Юрия Гордиенко)

Да, Любовь побеждает стихию. Надежда на то, что жизнь продолжается и надо жить дальше – вот с чем остаётся читатель после того, как дочитана последняя строчка.

Роман вызвал много как восторженных оценок, так и упрёков в традиционности художественных средств и формальном совпадении строфы романа со строфой «Евгения Онегина». Однако попытка использовать опыт русского классического стихотворного романа для создания картины жизни и нравов современного туркменского общества более чем удалась. И сегодня, более полувека спустя после создания, роман «Любовь» занимает достойное место в туркменской литературе и дорог нескольким поколениям туркмен.

***

Аман Кекилов был автором текста первого Государственного Гимна Туркменской ССР. Много лет возглавлял Комитет солидарности стран Азии и Африки, был членом правления Союза писателей Туркменистана, членом Академии наук Туркменистана.

За выдающиеся достижения в развитии науки и литературы Аман Кекилов был награждён двумя орденами «Знак Почёта», медалями СССР.

В 1967 году ему было присвоено звание Народного писателя Туркменистана, в 1972 году – заслуженного деятеля науки Туркменистана.

***

Писатель скончался 13 декабря 1974 года. Но до последних дней жизни, уже будучи тяжело больным, он удивлял своей трудоспособностью, готовностью к творчеству, к новым поискам. Поэтому никто не думал, что его сердце вот так внезапно остановит свой ход.

Творческое и научное наследие Амана Кекилова велико и незабвенно. Его стихи читают наизусть и в городах, и в сёлах, его сказки знают дети. Им гордятся как простые туркменистанцы, начиная от школьников и студентов, так и учёные, артисты, писатели. В столице Туркменистана его имя носит улица и Педагогический техникум, где он учился и преподавал.

В 2010 году в Ашхабаде на Аллее Славы в числе выдающихся писателей и деятелей искусства открыт бюст Аману Кекилову.

Бюст Амана Кекилова в Ашхабаде.